

Munich Personal RePEc Archive

Crisis of Institutions of Political Competition. Internet and Collaborative Democracy

Polterovich, Victor

CEMI RAS, MSE MSU

26 November 2020

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/104363/>
MPRA Paper No. 104363, posted 26 Nov 2020 14:53 UTC

КРИЗИС ИНСТИТУТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ, ИНТЕРНЕТ И КОЛЛАБОРАТИВНАЯ ДЕМОКРАТИЯ¹

В. М. Полтерович

ЦЭМИ РАН, МШЭ МГУ (Москва)

Статья посвящена исследованию кризиса современной западной демократии, основанной на межпартийной конкуренции. Свидетельствами кризиса являются снижение участия граждан в выборах, падение доверия к политическим институтам, интенсификация протестных движений и массовых беспорядков. Отмечается, что важными причинами кризиса являются замедление экономического роста и углубление неравенства в развитых странах. Показано, что жесткая межпартийная конкуренция неизбежно порождает механизм деградации моральных норм в политической сфере и снижения эффективности политической системы. Эти процессы резко интенсифицировались в результате распространения интернета. Интернет создал возможность непосредственного обращения политических лидеров, в том числе и несистемных, к массе рядовых избирателей минуя стандартную информационную инфраструктуру; поэтому усилился тренд к «охлократизации» политической системы. Показано также, что ряд трансформаций, происходящих в западных странах, направлены на совершенствование взаимодействий государства и общества и способствуют преодолению кризиса. К ним относятся повышение роли парламентских комитетов, увеличение числа партий, масштабные реформы управления общественным сектором на основе сотрудничества. В этом контексте анализируются опыт применения е-платформ и возможности институциональных коллаборативных платформ. Предлагается концепция коллаборативной демократии, основанная на анализе изученных тенденций. Механизм коллаборативной демократии должен обеспечить расширение возможностей выбора и прямого участия граждан в принятии решений, контроль издержек политической конкуренции и поддержание этических норм, предотвращение охлократизации и повышение эффективности управления. Намечены контуры этого механизма. В частности, он должен опираться на использование пропорциональной избирательной системы специального типа, системы экспертных советов и коллаборативных платформ для принятия государственных решений, а также на применение правил принятия решений, близких к консенсусу. Обсуждается значение этих выводов для России.

¹ Сокращенный вариант статьи, принятой для публикации в журнале «Вопросы экономики», 2021.

Ключевые слова: доверие, охлократия, делиберативная демократия, е-демократия, коллаборативная платформа, консенсус

JEL: D60, D72, D73, K16, B55

CRISIS OF INSTITUTIONS OF POLITICAL COMPETITION, INTERNET, AND COLLABORATIVE DEMOCRACY

V. M. Polterovich
Moscow, CEMI RAS, MSE MSU

The article is devoted to the study of the crisis of modern Western democracy. It is noted that the important causes of the crisis are slowing down of economic growth and deepening inequality in developed countries. It is shown that strong inter-party competition inevitably generates a mechanism of degradation of moral norms in the political sphere and reduction of the political system efficiency. These processes have intensified dramatically as a result of the spread of the Internet. They contributed to the reduction of citizens' participation in elections and at the same time to the "ochlocratization" of the political system.

It is shown as well that a number of transformations taking place in the Western countries are aimed at improvement of interaction between the state and society and contribute to crisis overcoming. These include expanding the role of parliamentary committees, increasing the number of parties, large-scale reforms of public sector governance basing on collaboration. In this context, the experience of e-platforms and the possibilities of institutional collaborative platforms are analyzed. The concept of collaborative democracy is proposed, based on the analysis of the trends studied. The mechanism for collaborative democracy should ensure greater choice and broader direct participation of citizens in decision-making, control the costs of political competition and maintain ethical standards, prevent ochlocratization, and improve governance. Contours of this mechanism are outlined. In particular, it should be based on the use of a proportional electoral system of a special type, a system of expert councils and collaborative platforms for public decision-making, as well as on the implementation of decision making rules close to consensus. The significance of these conclusions for Russia is discussed.

Keywords: trust, ochlocracy, deliberative democracy, proportional electoral system, e-democracy, collaborative platform, consensus

JEL: D60, D72, D73, K16, B55

1. Введение

В 1973 г. по инициативе Збигнева Бжезинского и Давида Рокфеллера была создана Трехсторонняя комиссия, поставившая перед собой задачу расширения сотрудничества между странами Северной Америки (США и Канадой), Западной Европы и Японией. В декларации исполнительного комитета Комиссии, которая, как утверждается на ее сайте, остается актуальной и сегодня, подчеркивалось, что это сотрудничество должно быть выгодно всем другим странам «независимо от их политических систем или уровня развития».² Один из первых докладов Трехсторонней комиссии, написанный известными исследователями (в том числе, Сэмюэлем Хантингтоном) был посвящен кризису демократии (Crozier, Huntington, Watanuki, 1975). «Является ли жизнеспособной ныне существующая политическая демократия?» - таков основной вопрос исследования; «...дезинтеграция общественного устройства, распад социальной дисциплины, слабость лидеров и отчуждение граждан» - вот, что беспокоило авторов этой работы. (Р. 2).

Проведенный в докладе анализ показал, что трудности демократического правления, возникшие к тому времени в Европе и в США, существенно отличались по своей природе. Европейские правительства вынуждены были реагировать на быстро возмужавшую сложность экономических и социальных задач, вызванную интенсивной трансформацией рынков и технологий, социальных и экономических связей, социально-психологических и культурных установок; они едва справлялись с этими задачами. Хантингтон, автор главы, посвященной США, делает акцент на снижении уровня доверия граждан к правительству и другим общественным институтам (pp. 78, 83, 88) включая институт президентства (p.93). Он отмечает падение уровня участия граждан в голосовании при одновременном увеличении числа митингов, собраний и демонстраций (pp. 60-61). Требования равенства независимо от знаний, опыта, занимаемой позиции или богатства (p.75) ведут к «демократическому хаосу». «Демократия стремится сделать правительство менее властным и более активным, расширить его функции и урезать полномочия» (p. 64) - в этом, по мнению Хантингтона, основное противоречие, которое должно быть разрешено.

Автор отмечает поляризацию взглядов, особенно по проблемам расовой и гендерной дискриминации и страхования здоровья (pp.77-78) и отмечает неспособность партий отразить стремления избирателей. Они все более склонны голосовать за конкретного кандидата, а не за ту или иную партию, и все большая их часть относят себя к независимым. (Р. 85-86).

Хантингтон даже говорит о закате партийной системы и ставит вопрос: «Возможно ли демократическое правление без политических партий?» (Р. 91). Его завершающий вывод

² <http://trilateral.org/page/17/faq>

состоит в том, что основной причиной трудностей демократического правления является «избыток демократии» и что необходима «большая степень умеренности в демократии». (Р.113). Надо придать больший вес экспертному мнению, опыту, таланту, ограничить сферу действия демократических процедур и не допускать маргинальные группы населения к политической деятельности.

Ниже будут приведены данные, демонстрирующие, что ряд кризисных тенденций, отмеченных Хантингтоном, имеют продолжение, и теперь уже не только в США, но и в других странах Запада. История подтверждает тезис Хантингтона о том, что прямолинейные требования равенства, не принимающие во внимание опыт и экспертное знание, ведут к снижению эффективности управления и как следствие к падению доверия избирателей к политическим лидерам и институтам. Однако существуют и другие механизмы, порождаемые политической конкуренцией и приводящие к деградации демократии. Ниже будут рассмотрены два из них. Первый механизм, особенно характерный для мажоритарных демократий, приводит к тому, что отбираемые демократической системой решения не поддерживаются большинством избирателей. Второй механизм в нынешних культурных условиях ответственен за деградацию моральных норм в политике, что обуславливает ухудшающийся отбор лидеров и падение эффективности государственных институтов. Благодаря действию указанных механизмов в условиях широкого распространения интернета ослабляется контроль политической деятельности, интенсифицируется популистская активность независимых групп и партийных лидеров, ведущая к «охлократизации» политической системы.

После рассмотрения причин и механизмов кризиса демократии в статье анализируются наблюдаемые тенденции и принимаемые западными правительствами меры, противодействующие кризису. Показано, что практически все они ведут к постепенному замещению конкуренции механизмами сотрудничества между гражданами и политическими партиями³. На основе анализа имеющегося опыта предлагается концепция коллаборативной демократии, постепенное формирование которой позволило бы преодолеть кризис. В свете полученных результатов в заключении обсуждается проблема совершенствования российских политических институтов.

³ Тезис о том, что в процессе общественного развития роль механизмов власти и конкуренции в экономике, во внутренней и внешней политике постепенно снижается, а роль сотрудничества, напротив, растет, является центральным в теории, предложенной в работах (Полтерович, 2015, 2016, 2018). Таким образом, настоящая статья является их непосредственным продолжением.

2. Кризис современной демократии

Широко признано, что современные западные политические системы испытывают глубокий кризис (см. ссылки в (Foa, Mounk , 2017)). Кризис проявляется, с одной стороны, в недоверии к политическим институтам, в снижении уровня участия избирателей в легальном политическом процессе, в возрастающей поддержке популистских партий, а с другой – в активизации протестных деструктивных движений, таких как «желтые жилеты» или «оккупай уолл стрит».

2а. Снижение уровня участия

Согласно (World Development Report, 2017) за 25 лет уровень участия граждан в выборах сократился в среднем по широкому кругу стран на 10%. При этом падение характерно как для развитых, так и для развивающихся экономик. В европейских странах с «установившейся демократией» средний уровень участия составлял около 85% в 1961-1970 гг. и немногим более 70% в 2011-2015 гг. Для посткоммунистических европейских стран (включая Россию) уровень участия снизился с 77% в 1981-1990 гг. до 57% в 2011-2015 гг. (Solijonov, 2016, p. 26). В США уровень участия в выборах в представительные органы существенно упал еще в начале XX века и с тех пор остается в основном в пределах 37-50%, что существенно ниже, чем в большинстве развитых стран⁴.

Известный политический деятель, бывший премьер-министр Бельгии Ивс Летерм, писал в предисловии к работе (Solijonov , 2016, p. 9):

«Снижение явки избирателей сигнализирует о глубоких проблемах, стоящих сегодня перед демократиями. Более низкая явка демонстрирует, что меньшее количество граждан считает выборы главным инструментом легитимизации контроля политических партий над принятием политических решений. Это может даже свидетельствовать о том, что граждане в меньшей степени заинтересованы в политических партиях как основных органах демократического представительства».

2б. Падение доверия к политическим институтам

Как показано в (Gehl, Porter, 2017, p.25), доверие американцев к средствам массовой информации в течение 40 лет почти монотонно снижалось. В 1976 г. доля опрошенных, объявивших об очень высоком или достаточно высоком уровне доверия, составляла 72%, а в 2016 г. – всего 32%. Уровень доверия граждан США правительству составлял 75% в 1960 г., а в 1980 г. был ниже 30%. В дальнейшем он колебался между 25% и 50%, оказавшись в 2015 г. чуть выше 25% (Van der Meer, 2017, p.10).

⁴ См. <http://www.electproject.org/national-1789-present>

Доверие к Европейскому Союзу граждан стран, входящих в его состав, снизилось с 63% в 2007 г. до 53% в 2011 г.; увеличение имело место лишь для Швеции и Финляндии (Armingeon, Ceka, 2014, p. 93). За тот же период доверие национальным парламентам упало на 7,8% (Armingeon, Guthmann, 2014, Table 2). Данные за более широкий период приведены в (Foster, Frieden, 2017, p.2): уровень доверия ЕС составлял 60% в 2004 г. и всего 36% в 2015. При этом уровень доверия национальным правительствам снизился с 36% до 29%.

Следует отметить, однако, что в 2016 г. резко возросла доля граждан стран ЕС, положительно относящихся к Европейскому парламенту. В последующие два года она стабилизировалась и составила 32% в 2018 г.; об отрицательном отношении сообщил 21% респондентов. Тем не менее, эти значения заметно хуже данных 2007 г. – 39% и 15%, соответственно (Parlemeter, 2018, p. 40).

2с. Протестные движения и массовые беспорядки

Наращение протестных движений и интенсивности массовых беспорядков – еще один признак наступившего кризиса. Достаточно упомянуть движение «оккупай уолл стрит», начавшееся еще в 2011г., многочисленные протесты против избрания и политики Дональда Трампа, массовые беспорядки в США, спровоцированные гибелью Джорджа Флойда. Для Европы характерными примерами являются движение «желтых жилетов» во Франции, демонстрации в Великобритании, связанные с брекзитом, и многочисленные массовые протесты против политики иммиграции в ряде европейских стран.

3. Причины кризиса

Начиная с 1980-ых годов, практически во всех западных странах увеличиваются имущественное неравенство и неравенство доходов. В 1980 г. 10% самых богатых граждан США и Канады получали 34% национального дохода; в 2016 г. их доля выросла до 47%. В Западной Европе прирост был существенно меньшим: с 33% в 1980 г. до 37% в 2016 г. При этом в Соединенных Штатах доля нижних 50% по уровню доходов сократилась с более чем 20% в 1980 году до 13% в 2016 году, а в Западной Европе – с 23,5% до 22%. В США резко выросло имущественное неравенство: доля 1% наиболее состоятельных граждан составляла 22% в 1980 г. и 39% в 2014 г. И по этому показателю рост в Европе был менее значительным. Так, во Франции соответствующий показатель был равен 17% в 1980 г. и 23% - в 2014 (Alvaredo et al., 2018, pp.6,8, 12).

Институты государства всеобщего благосостояния не справляются с проблемой неравенства, которая усугубляется вследствие замедления экономического роста⁵.

⁵ См. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=EU>;
<https://www.macrotrends.net/countries/USA/united-states/gdp-growth-rate>

Увеличение неравенства порождает социальную напряженность, так что ряд авторов называют этот фактор одной из непосредственных причин кризиса демократии (см., например, (Uslaner, 2011)).

В статье (Jay et al., 2019) подчеркивается связь роста неравенства и активизации правого популизма, что само по себе является индикатором кризиса демократии. Эконометрические расчеты, представленные в (Algan et al., 2019), показывают, кроме того, что в результате экономического кризиса 2007-2009 гг. снизился уровень доверия граждан к ЕС и популистские радикальные партии во всех странах увеличили число своих приверженцев.

Однако глубинные причины наблюдаемого кризиса демократии коренятся в самом механизме политической конкуренции.

Политическая конкуренция, как и экономическая, - важнейший механизм организации управления обществом, более двух столетий способствовавший его развитию. Но в последние десятилетия партийные войны все в большей и большей мере становятся тормозом общественного прогресса на Западе, особенно в странах так называемой мажоритарной демократии. Межпартийная конкуренция влечет материальные издержки на содержание партийного аппарата и на выборные кампании. Более важно, что этот механизм, который на начальных этапах развития увеличил свободу выбора, в условиях современных западных стран, скорее, сокращает его: избирателю предлагают присоединиться к одной из партийных программ, даже если он не согласен со значительной частью каждой из них. Этот недостаток проявляется особенно сильно при малом числе партий. В результате могут возникать ситуации, когда та или иная альтернатива поддерживается большинством избирателей, но отвергается в результате голосования.

Пусть, например, в обществе из 100 человек каждый является членом одной из двух партий. Партия 1 состоит из 40 членов и все они за альтернативу А, а партия 2 – из 60 человек, причем 25 из них за альтернативу А, а 35 – за Б. Предположим, что численности фракций в парламенте соотносятся как 4 к 6. В соответствии с внутрипартийным голосованием членов партии 2 побеждает альтернатива Б, которая принимается и при голосовании в парламенте по правилу большинства, поскольку каждый парламентарий подчиняется партийной дисциплине. Но на самом деле большинство - 65 человек из 100 предпочитают А.

Альтернатива, за которую выступает большинство избирателей, может вообще не появиться в повестке дня на национальном уровне. Пусть в стране имеются три партии, и членами каждой из них состоит примерно треть избирателей. Каждая из партий

выдвинула свое предложение по некоторому вопросу, поддержанное 60% ее членов. Возможно, однако, что 40% в каждой партии выступают за четвертую альтернативу. Именно она выиграла бы на референдуме, однако в системе межпартийной конкуренции эта альтернатива даже не будет обсуждаться в парламенте. Подобные коллизии дестимулируют избирателя.

Отмеченный недостаток межпартийной конкуренции усугубляется в результате дуополизации политического рынка. Авторы работы (Gehl, Porter, 2017), один из которых широко известен своими исследованиями рыночной конкуренции, видят основной порок американской политической системы в том, что она является аналогом дуопольного рынка с очень высоким барьером входа. В таких условиях партии-дуополисты могут не искать решения проблем, стоящих перед обществом, достаточно «убедить рядового избирателя выбрать их как «меньшее из двух зол» (р.3).

Процесс дуополизации характерен для мажоритарных демократий и близких к ним систем, где отсутствует «антимонопольное законодательство» применительно к «политическому рынку». В представительных демократиях подобная тенденция законодательно предотвращена.

Использование правила простого большинства таит в себе угрозу принятия решений за счет незначительного преимущества, сопоставимого с ошибкой подсчета голосов. Это может усугубить кризис. Избрание Трампа и брекзит являются характерными примерами.

Еще один механизм, порождающий деградацию современной демократии, связан с так называемой проблемой «грязных рук». Автор этого термина М. Волцер отталкивался от тезиса Маккиавели, согласно которому политик должен «учиться быть плохим», поскольку принятие многих политических решений, казалось бы, во имя общего блага связано с нарушением моральных норм (Walzer, 1973). Проблеме соотношения политики и морали посвящены многочисленные исследования (см., в частности, (De Wijze, 2018), (Tillyris, 2019) и ссылки в этих статьях). Особое внимание привлек вопрос о том, насколько неизбежно и оправдано нарушение политиками принципов морали в современных демократиях. В работе (De Wijze, 2018) автор, многие годы занимающийся близкими проблемами, приходит к следующему заключению: «Демократия, как и любая другая форма правления должна будет реагировать на морально проблемные ситуации, и порой это потребует нарушения базовых демократических принципов. Политики в условиях демократии, будь то лица, действующие самостоятельно или в качестве членов комитета или законодательного органа, неизбежно запачкают свои руки из лучших

побуждений, и при этом должны будут признать свою долю «морального загрязнения».(Р. 6).

Автор не вполне прав, уравнивая в данном контексте все формы правления. Есть основания предполагать, что в отличие, например, от монархии, демократическая система при недостаточно высоком уровне массовой культуры создает определенные предпосылки для формирования механизма, ведущего к деградации моральных норм и снижению эффективности политических решений. Поясним, о чем идет речь.

Тот факт, что политическая деятельность требует отклонений от общепринятой морали, должен резко снизить привлекательность карьеры в сфере политики. Косвенным доказательством того, что именно так и происходит, является результат, полученный в недавнем социологическом опросе граждан США: 90% опрошенных не хотели бы, чтобы их дети стали политиками. В 1995 г. такой ответ дали около 70% респондентов.⁶ Один из авторов этого исследования Джереми Поуп интерпретирует полученные результаты как следствие неуважения к политической деятельности.⁷ Вероятно, многие из тех, кто потенциально способен выбирать эффективные решения, отказываются от политической карьеры, уступая место индивидам, не слишком страдающим угрызениями совести.

Сам по себе этот факт мог бы приводить к установлению уровней морали в политике и ее эффективности на «равновесных», хотя и низких уровнях. Однако, политическая конкуренция порождает механизм деградации, о которой свидетельствуют приведенные выше цифры. Коренная причина состоит в том, что политическая конкуренция, как и экономическая, отнюдь не соответствует Золотому правилу нравственности. Инструментом конкуренции оказывается диффамация – распространение сведений, порочащих политического деятеля. Выигрывающие стратегии предвыборных кампаний нередко базируются на заведомо невыполнимых обещаниях. При снижении избирательных цензов увеличивается число неквалифицированных избирателей, легко поддающихся подобным соблазнам. Цинизм, низкие моральные качества оказываются едва ли не типичными характеристиками успешных игроков. Не удивительно, что многие из них впоследствии оказываются осужденными за те или иные преступления. Политика выглядит «грязным» делом уже на этом этапе, отталкивая избирателей (Van

⁶ См. <https://www.deseret.com/2020/9/10/21430875/2020-american-family-survey-parents-dont-want-kids-in-politics>

⁷ См. <https://www.deseret.com/indepth/2020/9/10/21431119/american-family-survey-parents-kids-politicians-brookings-institution-trump-biden-racial-unrest>

Elsas, et al., 2020). В такой ситуации естественно предположить, что действующих политиков обыгрывают те, кто менее стеснен моральными ограничениями, а значит, возникает процесс постепенной деградации политической системы, ведущий к кризису.

Отметим, что в монархических системах, где типичный наследник обучается, в каких ситуациях надо «быть плохим» и насколько, нет оснований для формирования подобного механизма; деградация монархий происходит по другим сценариям.

До сравнительно недавнего времени политическая конкуренция фактически контролировалась средствами массовой информации, что в развитых странах ограничивало (хотя и далеко не совершенным образом) возможности политиков манипулировать массами и пренебрегать моралью. Относительно небольшое число газет и телевизионных компаний с самого начала создавалось как органы одной из двух партий. Большинство остальных было вынуждено присоединяться к ним в процессе конкуренции вследствие фундаментальной особенности спроса на информацию: индивид предпочитает читать информационные материалы, подтверждающие уже сложившуюся у него точку зрения (см. ссылки на соответствующие исследования в (Faxman, 2013, p.2)). Средства массовой информации служили определенным барьером для непроверенных обвинений независимо от того, являлись ли они справедливыми или нет: слишком велики были риски административного давления и судебных издержек в случае обращения оскорбленного политика в суд. Но ситуация меняется по мере распространения интернета.

Использование интернета резко снизило возможности элиты по контролю потоков информации и тем самым раздвинуло границы допустимых приемов политической борьбы. Конкурирующие партии оказались заинтересованными не столько в обосновании предлагаемых ими решений важнейших общественных проблем, сколько в подрыве доверия к конкурентам. У «несистемных» политических деятелей появилась возможность обойти конкурентов путем непосредственного обращения к «рядовому» (и, значит, не слишком квалифицированному) избирателю⁸. Происходит «охлократизация» политической системы⁹, что ведет к интенсификации политических войн и резкому увеличению издержек западных политических систем.

⁸ Так, в аннотации к статье (Jungherr et al., 2019) читаем: «В последнее время наблюдается резкое увеличение числа политических субъектов и групп, оспаривающих легитимность существующих политических институтов и средств массовой информации. ...эта волна...движима цифровыми средствами массовой информации. Цифровые СМИ позволяют внешним претендентам обходить социальные институты, которые структурируют политический дискурс, такие как партии и традиционные СМИ...Цифровые медиа ослабили власть этих институтов, позволив аутсайдерам удерживать экстремальные позиции, которые ранее были бы отфильтрованы или подавлены институтами, структурирующими политический дискурс».

⁹ Проблема вырождения современной демократии в охлократию рассматривается в (Gálvez, 2017).

Партийная политическая система дезинтегрирует общество. Она все в большей мере обретает признаки охлократии, выдвигая на высшие государственные посты людей, не обладающих необходимыми профессиональными знаниями и человеческими качествами, но по тем или иным причинам пользующимися популярностью (актеров, спортсменов, журналистов). Как отмечалось выше, развитие информационных технологий способствовало резкой интенсификации этой тенденции. Сегодня конкуренты широко используют возможности непосредственного обращения к «широким массам». Ослаблен контроль не только за содержанием агитационных текстов, но и за выдвижением партийных лидеров (Jungherr, Schroeder, Stier, 2019). В 2016 г. и Д. Трамп, и его соперница Х. Клинтон прибегали к рекламной технологии микротаргетинга, предусматривающей специальную рекламу (тексты, выступления) для отдельных групп избирателей, выделенных методами психографического анализа на основе данных, собранных в сетях (Borgesius et al., 2018).

Как отмечалось выше, процесс моральной деградации политической элиты наблюдается в западных демократиях уже в течение многих лет. Диффамация, нередко подкрепляемая снимками «с места событий» и фотографиями документов, стала стандартным средством и политической борьбы, и бытового развлечения. Цифровая сплетня вовлекла в политический процесс массу людей, не обладающих достаточными знаниями для обоснованного выбора между альтернативами. Недостаточный уровень общей культуры и тщеславное стремление стать вровень со знаменитостями привело к внедрению презентизма в массовое сознание. Стандартное в прошлом поведение и даже выдающиеся достижения многолетней давности оказываются преступными в рамках сегодняшних норм, и это рассматривается как основание для осуждения и наказания прославленных персонажей. Колумб в глазах протестующей толпы - уже не великий мореплаватель, а преступник, инициировавший уничтожение американских индейцев¹⁰. Администраторы среднего уровня, опасаясь обвинений в свой адрес и падения спроса на услуги возглавляемых ими учреждений, прибегают к репрессиям по отношению к обвиненным толпой сотрудникам, не дожидаясь судебных решений¹¹.

Интернет-сети формируют спрос на информацию, и в соответствии с логикой рынка пресса ориентируется на интернет. Известная журналистка Бари Вейс писала, что Твиттер «стал редактором последней инстанции» для газеты Нью-Йорк Таймс¹².

¹⁰ <https://www.theguardian.com/us-news/2020/jul/24/christopher-columbus-statue-removed-chicago-following-protests>

¹¹ См., например, <https://time.com/5321130/414-executives-metoo/>

¹² См. <https://www.bariweiss.com/resignation-letter>

Сам факт того, что коллективные акции протеста рассматриваются как естественная и более того - конструктивная составляющая современной демократической системы, означает признание ее принципиального порока – неспособности вырабатывать консенсусные решения. А размах подобных акций в США, Франции, Великобритании и в ряде других западных стран свидетельствует о подлинном кризисе демократии.

5. Делиберативная демократия

Несовершенство механизма политической конкуренции послужило стимулом для разработки альтернативных теорий демократии. На наш взгляд, наиболее содержательной из них является концепция делиберативной демократии, предложенная в 1980 г. Дж. Бессетом. Ее варианты разрабатывались Ю. Хабермасом, Дж. Дьюи, К. Санстейном, Ж. Коэном и другими философами и социологами (см. обсуждение и ссылки в (Линде, 2015), (Florida, 2013)).

Флоридия, ссылаясь на Бессета, формулирует, как он полагает, основной тезис концепции делиберативной демократии: "...формирование коллективной воли не должно сводиться к непосредственной, прямой регистрации индивидуальных волеизъявлений, ... а осуществляться в процессе рациональной, аргументированной и информированной общественной разработки", поскольку "...демократический процесс обсуждения и принятия решений неизбежно приводит к изменению первоначальных, непосредственных предпочтений граждан". (Florida, 2013, p.29). Политические институты должны обеспечивать этот процесс «формирования коллективной воли».

Взгляды сторонников делиберативной демократии нашли практическое применение при разработке институциональных коллаборативных платформ и создании электронных платформ - площадок для обсуждения политических проблем избирателями; в некоторых случаях они предусматривают также участие граждан в процессе принятия решений. Об этом пойдет речь в следующем разделе.

4. Противодействующие тенденции

Значительная часть элиты западных стран осознает необходимость мер по преодолению кризиса. Так, в программах Дж. Байдена и его соперников внутри демократической партии Элизабет Уоррен и Берни Сандерса предусмотрены меры по увеличению налогов

для богатых¹³. Наблюдается ряд тенденций, частично сдерживающих повышение издержек политической конкуренции и интенсификацию политического противостояния.

Во-первых, растет роль парламентских комитетов, в рамках которых сотрудничают представители разных партий (см. обсуждение и ссылки в (Полтерович, 2015)¹⁴). Во-вторых, в ряде западных стран увеличивается как общее число партий, так и число партий, формирующих парламенты и правительства (Лысенко, 2019). Это расширяет возможности выбора для избирателей и повышает шансы на учет интересов различных групп населения. В-третьих, в странах развитой демократии все чаще проводятся референдумы. Так, их среднее число в год по совокупности этих стран равнялось 3,3 за десятилетие 1980-1989, а среднее за период 2000-2009 составило уже 12,6 и в дальнейшем продолжало расти (Qvortrup, 2017)¹⁵. Некоторые исследователи неоднозначно относятся к этому инструменту, подчеркивая, что он может использоваться для манипулирования массами. Однако, трудно не согласиться с точкой зрения автора статьи (Qvortrup, 2018, p. 34), согласно которой референдумы, вынуждают конкурентов смириться с наличием разногласий¹⁶, способствуя снижению социальной напряженности. В-четвертых, ряд стран проводят эксперименты по внедрению так называемого безусловного (универсального) базового дохода (см. обзор (Hall et al., 2019), а также (Гонтмахер, 2019)). Несмотря на очевидные возражения (нехватка бюджетных средств, ослабление стимулов к труду, и т. п.) и отсутствие явно удачных попыток эксперименты продолжаются¹⁷. Весьма вероятно, что эта идея будет постепенно воплощаться в жизнь, прежде всего, в странах с высокоразвитой гражданской культурой и высоким средним уровнем доходов, существенно снижая социальную напряженность. В-пятых, значительное число стран предпринимают попытки внедрить так называемую е-демократию – систему электронных платформ, обеспечивающих избирателя информацией о партийных программах и предоставляющих возможности обсуждения политических проблем и электронного голосования. В-шестых, в странах Северной Европы и в ряде других идет масштабная реформа, нацеленная на вовлечение населения в процесс управления

¹³ См. <https://www.kiplinger.com/slideshow/taxes/t055-s001-2020-election-joe-biden-s-tax-plans/index.html><https://www.kiplinger.com/slideshow/taxes/t055-s001-2020-election-joe-biden-s-tax-plans/index.html>

¹⁴ В этой работе (см. раздел 5), а также в (Полтерович, 2018) показано, что в процессе развития механизма политической конкуренции снижались издержки проигравшей стороны. Отметим, что конкуренция, в которой проигравшие не несут издержек, является по существу вариантом сотрудничества.

¹⁵ Следует отметить, что почти половина общего числа референдумов проводится в Швейцарии.

¹⁶ будучи механизмом «for agreeing to disagree» (p. 34)

¹⁷ См., например, <https://www.dw.com/en/basic-income-germany-tax-free/a-54700872> об эксперименте в Германии. Отметим, что финансирование эксперимента осуществляется спонсорами.

общественным сектором на основе сотрудничества (Kekez, Howlett, Ramesh, 2018). Идеи реформы тесно связаны с концепциями коллаборативного управления и коллаборативных платформ. Это направление противодействия кризису является, на наш взгляд, наиболее важным.

Одним из направлений реформы было создание электронных платформ, которые должны были упростить представление гражданами предложений по тем или иным вопросам и повысить уровень их участия в голосовании. Однако процедуры принятия решений по существу оставались неизменными, вынесенными за пределы электронной сети. Исследования показывают, что существенно продвинуться в решении этой задачи пока не удалось. Так, в заключении статьи (Blank, 2020), посвященной обзору работ по указанной проблеме, читаем:

«... Оптимистические ожидания в отношении оживления гражданской активности и политического участия, которые лежали в основе многих инициатив в области электронного участия в развитых странах в начале XXI века, в целом не оправдались. Участие граждан остается низким, как и доверие к государственным институтам» (p. 28).

В другом обзоре, посвященном той же проблематике (Nielsen et al., 2020) авторы приходят к аналогичным выводам: "...е-демократия, как она существует сегодня, не оправдала ранних ожиданий. Несмотря на то, что Интернет значительно улучшил доступ к информации о принятии политических решений, был слабым или вообще отсутствовал импульс к созданию онлайн-сферы для обсуждения различных идей и совместного принятия решений. Вместо этого обширная коммуникация, которую делает возможным Интернет, структурировалась таким образом, что ускорила распространение преднамеренной и непреднамеренной дезинформации". (Nielsen et al., 2020, pp.356-357)

«...эта неудача – не столько является следствием "е" аспекта электронной демократии, сколько отражает основополагающую взаимосвязь между демократией как таковой и культурой принятия решений в общественных институтах". "Наш анализ показывает, что электронное участие не может быть самостоятельным, а должно быть встроено в реальный процесс принятия решений» (Nielsen et al., 2020, p.358). Механизмы использования электронных платформ совершенствуются, и есть надежда, что эта рекомендация будет учтена.

Электронные платформы следует также рассматривать как технические средства, способствующие формированию систем коллаборативного управления. В последние 20 лет такие системы находят все более широкое применения в странах Запада. Их исследованию посвящено значительное число работ. Первое достаточно общее и содержательное определение дано в широко цитируемой статье (Ansel, Gash, 2008).

Авторы называют коллаборативной такую систему управления, «в рамках которой одно или несколько государственных учреждений напрямую привлекают негосударственных заинтересованных агентов в коллективный процесс принятия решений, являющийся формальным, делиберативным, ориентированным на достижение консенсуса и направленным на выработку или реализацию государственной политики либо управление общественными программами или активами» (Ansel, Gash, 2008, p.544). Авторы ссылаются на опыт функционирования 137 подобных систем, существовавших к 2007г. в разных странах. В более поздней работе Ансел и Гэш связывают реализацию коллаборативного управления с коллаборативными платформами, предлагая следующее определение: «Коллаборативная платформа - это организация или программа со специальными компетенциями, институтами и ресурсами для содействия созданию, адаптации и успеху ... проектов или сетевой деятельности, основанных на сотрудничестве» (Ansel, Gash, 2018).

Веденное таким образом понятие коллаборативной платформы непосредственно не связано с использованием интернета, однако фактически современные институциональные платформы предполагают возможность электронного взаимодействия. При этом сочетание коллаборативных институтов и электронных платформ оказывается нетривиальной задачей, требуя разработки формальных правил взаимодействия, материальных затрат и новых навыков у участников (Besson, Rowe, 2012). Существенным препятствием может оказаться низкий уровень доверия участников друг к другу: в рамках виртуальных контактов для формирования доверия может потребоваться значительное время (Hoch, Dulebohn, 2017). Несмотря на это происходит быстрое распространение виртуальных коллективов во всех сферах производства и управления. Авторы статьи (Hoch, Dulebohn, 2017) приводят ссылку на опрос 3000 менеджеров из 100 стран, сообщивших, что 40% занятых в их организациях тратят не менее половины своего времени на работу в виртуальных коллективах, причем 77% этих коллективов включают представителей разных государств.

Опыт функционирования коллаборативных платформ на основе интернета быстро накапливается. Не вызывает сомнений, что в течение ближайших 10-20 лет в развитых странах они станут доминирующим инструментом принятия государственных решений.

5. Контуры коллаборативной демократии

Обсуждавшаяся выше теория делиберативной демократии содержит ряд продуктивных идей, которые особенно важны в свете нынешнего кризиса институтов политической конкуренции, однако, нуждаются в уточнении. Две проблемы являются центральными в

этой теории: вовлечение граждан в процесс управления обществом и достижение консенсуса. Крайне важной является сама постановка этих проблем, вытекающая из понимания необходимости радикально реформировать сложившуюся систему управления. При этом вполне обоснованным является отказ от перехода к прямой демократии. Предполагается, что обсуждения будут происходить не только между гражданами, но между ними и институтами власти. Возникают, однако, две важнейшие и связанные друг с другом трудности: сложность организации продуктивного обсуждения между миллионами агентов и необходимость высокого уровня компетентности для эффективного принятия государственных решений. Преодоление этих трудностей невозможно без привлечения экспертов, а значит, распространенный среди делиберативных демократов тезис о полном равенстве граждан теряет смысл.

Принципиальным является вопрос о том, за счет чего возможно достижение консенсуса. В приведенной выше цитате из статьи Флоридиа содержится частичный ответ на него: в процессе обсуждения меняется первоначальное упорядочение агентами альтернатив по их предпочтительности, так что предпочтения сближаются. Можно указать два механизма, в силу которых это происходит. Во-первых, в процессе обсуждения агент получает дополнительную информацию о последствиях, к которым приведет выбор той или иной альтернативы. Во-вторых, он узнает о предпочтениях других граждан. Если участникам свойственны альтруистические мотивы, если они заботятся об общем благе, такое знание должно сблизить их предпочтения. Эта идея особенно подчеркивалась Ю. Хабермасом¹⁸.

Но даже если оба механизма «работают» и сближение происходит, это еще не означает достижения консенсуса. Решающее значение имеет другой механизм, требующий от агентов творческих способностей. Он предполагает конструирование новых компромиссных альтернатив. Опыт функционирования Европейского Союза, политическая система которого во многом основана на консенсусе, подтверждает этот тезис.

В ряде случаев можно сформулировать правила принятия решений так, чтобы стимулировать достижение консенсуса, сделав его отсутствие невыгодным для всех участников (см., например, Doberstein, 2016).

¹⁸ «В коммуникативных условиях открытого для всех и свободного от какого бы то ни было принуждения дискурса свободных и равных участников каждый обязан принимать на себя точку зрения всех других, а тем самым и разделять их само- и миропонимание; из этих перекрещивающихся друг с другом перспектив выстраивается идеально расширенная «Мы»-перспектива...» (Хабермас, 2001. с. 133). Автор подчеркивает, что сама «мораль... дает основания для достижения консенсуса и урегулирования ... конфликтов» (там же, с. 52)

Правило консенсуса имеет существенный недостаток: оно неустойчиво относительно внешних влияний. Внешний агент может заблокировать принятие решения, компенсировав одному из участников потери в результате отклонения от консенсусного варианта. Нечто подобное наблюдается во взаимодействиях ЕС и США, использующих страны Восточной Европы для давления на ЕС. Чтобы смягчить этот эффект, целесообразно использовать правила квалифицированного большинства с достаточно высоким пороговым уровнем (скажем, 90%).

Проведенный выше анализ кризиса современной демократии вынуждает заключить, что механизм политической конкуренции все в меньшей мере соответствует современным задачам общественного развития. Тенденции, которые были охарактеризованы как антикризисные, фактически ведут к постепенному смягчению межпартийной конкуренции за счет усиления роли сотрудничества¹⁹.

На этом пути формируется новая демократическая система, которая должна обеспечивать принятие эффективных решений и предотвращать политические войны за счет ограничения диффамации и максимального учета интересов различных групп населения. Она должна быть защищена не только от трансформации в автократическое или олигархическое правление, но и от превращения в охлократию. Чтобы ускорить ее наметившуюся эволюцию, необходимы масштабные коллективные усилия исследователей и практиков. Здесь мы попытаемся наметить основные принципы нового демократического порядка, которые, на наш взгляд, отражают основные позитивные тенденции развития западных политических институтов, наблюдаемые на фоне кризиса; эти же принципы должны послужить ориентирами при разработке дальнейших реформ.

Представительную систему принятия политических решений мы называем коллаборативной демократией, если она а) обеспечивает избирателям доступ к процессу принятия решений и широкие возможности выбора; б) предусматривает принятие решений на основе сотрудничества; в) нацелена на поиск эффективных решений, близких к консенсусу; г) опирается на экспертные оценки и защищена от превращения в охлократию.

Попытаемся наметить пути выполнения перечисленных, на первый взгляд, противоречивых требований. При этом мы опираемся на проведенный выше анализ и на реальный опыт функционирования политических систем, стремясь продемонстрировать, что предлагаемая конструкция не является утопией. Разумеется, утопичным было бы

¹⁹ Отметим, что это соответствует общим закономерностям эволюции механизмов координации (Полтерович, 2018)

предлагать немедленное внедрение коллаборативной демократии, поскольку ее успех возможен лишь при достаточно высоком уровне человеческого капитала и гражданской культуры; речь идет, прежде всего, о таких ее характеристиках как толерантность, обобщенное доверие, альтруизм и коллаборативность (желание и умение взаимодействовать с другими). Ниже обозначены основные направления реформ, которые могли бы приблизить существующие развитые политические системы к коллаборативной демократии.

A. Расширение возможностей выбора для рядового избирателя.

A1. Снижение барьеров для участия новых партий.

A2. Использование пропорциональной избирательной системы с открытыми списками, панашажем²⁰ и «electoral fusion»²¹.

A3. Создание единой системы делиберативных платформ -дискуссионных площадок для обсуждения политических проблем.

B. Расширение прямого участия граждан в принятии решений.

B1. Регулярные референдумы по наиболее важным вопросам.

B2. Широкое использование коллаборативных платформ в процессах принятия государственных решений.

C. Контроль издержек политической конкуренции и поддержание этических норм.

C1. Ужесточение ограничений на объем совокупных затрат на избирательную кампанию и на объем пожертвований.

C2. Совершенствование законодательства о недопущении диффамации в период избирательной кампании; создание Комиссии по избирательной этике.

D. Предотвращение охлократизации и обеспечение эффективности принятия решений.

D1. Формулирование квалификационных требований к кандидатам на должности во всех системах власти, включая законодательную; создание соответствующих экспертных советов для контроля над выполнением этих требований.

D2. Создание экспертных советов по оценке предвыборных программ и вопросов, выставляемых на референдумы.

D3. Широкое использование правил принятия решений, близких к устойчивому консенсусу.

²⁰ Система голосования, при которой избиратель может распределить фиксированное заранее число своих голосов между кандидатами из разных партийных списков. Практикуется в Швейцарии (см., например, (Buhlmann et al., 2016).

²¹ Включение кандидата одновременно в разные партийные списки. Разрешено в Австралии, Италии, Нидерландах, а также при выборах в законодательные собрания некоторых штатов США (Scagow, 1986; Morse, 2006).

Большинство пунктов предлагаемой программы фактически уже обсуждались выше, а некоторые и не требуют дополнительных пояснений. Исключение составляют пункты A2, D1 и D2, на которых мы и остановимся.

Прежде всего, необходимо сделать одно замечание общего характера. Выше было показано, что система межпартийной конкуренции находится в глубоком кризисе. Фактически она уже изжила себя и требует радикального реформирования. Анархисты и многие сторонники демократии участия и делиберативной демократии фактически призывают переходить к прямой демократии, а исследования ряда региональных парламентских режимов демонстрируют, что партии не являются необходимым элементом демократической системы (Weeks, 2015)²². Тем не менее, как показывает практика, уменьшение влияния партий происходит не путем ликвидации партий, а напротив, вследствие увеличения их числа при соответствующей организации выборов и процедур принятия решений в парламенте, но также и за счет внедрения элементов прямой демократии.

Очевидно, что панашаж и «electoral fusion» не только расширяют возможности выбора для избирателя, но и снижают роль партий как архитекторов программ социально-экономического и политического развития. Кроме того, «electoral fusion» смягчает конкуренцию между партиями, способствуя их сотрудничеству.

Пункты D1 и D2 связаны с важной областью политической теории, посвященной технократии и ее соотношению с популизмом и демократией (см., в частности, (Bertsou, Caramani, 2020b)). За недостатком места мы вынуждены ограничиться краткими комментариями.

Включение в процесс принятия решений неквалифицированных участников может иметь негативные последствия. Понимание этого приводит к тому, что государственные органы не стимулируют или даже препятствуют расширению участия (Blanc, 2020, p. 27). Как и в офлайн - системах, этот недостаток может быть устранен за счет иерархической организации процесса принятия решений. С этой целью по каждому содержательному направлению необходимо создать экспертный совет, включающий представителей правительственных и неправительственных агентов; его состав должен быть одобрен обеими сторонами. Совет должен анализировать выдвигаемые предложения, синтезировать замечания и выработать повестку дальнейшего обсуждения.

²² В качестве примеров рассматриваются, в частности, Законодательный совет Тасмании в Австралии (до 2020 г. он состоял из независимых кандидатов), Законодательная ассамблея Северо-Западных территорий в Канаде.

Проблемы целесообразности использования экспертов при принятии политических решений и формирования соответствующих механизмов являются предметом многочисленных работ (см. обзор (Holst, Molander, 2019)). В статье (Holst, Molander, 2017) обращается внимание на руководство по привлечению экспертов, используемое Европейской комиссией и другими органами ЕС (European Commission, 2001, 2002). Согласно этому документу при отборе экспертов следует ориентироваться на их научную квалификацию, оцениваемую публикационной активностью и отзывами коллег. В экспертные комиссии необходимо включать представителей разных научных направлений и предусматривать их взаимодействие с представителями разных групп интересов и гражданского общества.

На наш взгляд, должны формироваться постоянно действующие экспертные советы при парламентах и органах исполнительной власти.

В демократическом процессе эксперты не должны навязывать свои предпочтения избирателям. Эксперты нужны не для того, чтобы заменить политиков. Роль экспертов состоит, прежде всего, в том, чтобы разъяснять избирателям последствия тех или иных решений, предлагаемых партиями или независимыми кандидатами. Кроме того, эксперты должны помогать парламенту и правительственным органам разрабатывать альтернативы, подлежащие одобрению «подавляющим большинством». Подобную функцию в настоящее время выполняют парламентские комитеты. Разумеется, далеко не все общественные проблемы, поддаются научному анализу; в этих случаях роль эксперта может ограничиться указанием на их особую сложность. Наконец, формулировка квалификационных требований к претендентам на те или иные должности²³ и контроль их выполнения также должны являться функциями экспертов.

Правила выдвижения экспертов в советы и их финансирования должны, насколько это возможно, обеспечивать их независимость от власти.

Еще раз подчеркнем, что предлагаемая концепция коллаборативной демократии и механизмы ее реализации, намеченные выше, основаны на реальном опыте функционирования западных политических систем и на наблюдаемых тенденциях их эволюции. Весьма вероятно, что уже в ближайшем десятилетии мы будем свидетелями становления того или иного варианта коллаборативной демократии в Дании, Норвегии, Швейцарии и ряде других стран Запада. Тем самым будет продолжена наблюдаемая уже в

²³ Это требование может показаться необычным. Стоит, однако, отметить, что членами Еврокомиссии, высшего органа исполнительной власти ЕС, как правило, назначаются бывшие главы национальных правительств и министры.

течении многих десятилетий тенденция замещения механизмов конкуренции механизмами сотрудничества (Полтерович, 2015, 2016, 2018).

6. Заключение: о совершенствовании российских политических институтов

России еще предстоит пройти этап обострения политической конкуренции. Однако, опираясь на описанный выше прогноз институционального развития западных систем, можно сократить длительность и издержки этого этапа. Целесообразно постепенно расширять участие граждан в принятии государственных решений, повышать роль экспертных советов, включая их непосредственно в систему управления и обеспечивая независимость экспертов, стремиться конструировать обсуждаемые альтернативы так, чтобы добиться консенсусных решений. Все это, а также увеличение числа партий в парламенте и расширение представительства регионов позволили бы обеспечить развитие российской политической системы, избежав масштабных социальных конфликтов.

Литература

- Гонтмахер Е. Базовый (безусловный) доход: политэкономический аспект. Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 3. С. 70–79 .
- Линде А.Н. (2015). Делиберативная демократия как направление в современной теории демократии: анализ основных подходов. Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Том 8, №1. С. 52-58.
- Лысенко В. (2019). О допуске политических партий к участию в парламентских выборах: зарубежный опыт. Российский фонд свободных выборов.
- Полтерович В. М. (2015). От социального либерализма – к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. № 4. С. 41–64
- Полтерович В. (2016). Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики. № 11. С. 5–23.
- Полтерович В. М. (2018). К общей теории социально - экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации. Вопросы экономики, № 12. С. 77–102.]
- Хабермас Ю. (2001). Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука. 417 с.
- Alvaredo, F., Chancel, L., Piketty, T., Saez, E. and Zucman, G. (2018) World Inequality Report 2018, Paris, World Inequality Lab. 16 pp.
- Ansell Ch., A. Gash (2008). Collaborative governance in theory and practice. Journal of Public Administration Research and Theory 18:543–71.
- Ansell Ch., Gash A. (2018). Collaborative Platforms as a Governance Strategy. Journal of Public Administration Research and Theory. Volume 28, Issue 1, 16-32.

Armingeon, K., Ceka, B. (2014). The loss of trust in the European Union during the great recession since 2007: The role of heuristics from the national political system. *European Union Politics*,15(1), 82–107.

Armingeon, K., Guthmann, K. (2014). Democracy in crisis? The declining support for national democracy in European countries, 2007–2011. *European Journal of Political Research*,53(3), 423–442.

Arnstein Sh. R. (1969). A Ladder of Citizen Participation. *Journal of the American Institute of planners*, Vol. 35, No. 4, pp. 216-224.

Buhlmann, M., D. Zumbach, M. Gerber and A. Heidelberger (2016). Cherry Picking at the 2015 Swiss Federal Elections: The Influence of Electoral Campaigning on Panachage and Cumulation. Paper presented at the ECPR General Conference, Prague. <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/4d62000c-e082-4f6b-b202-84de6e5c3aef.pdf>

Borgesius F. Z., Moller J., Kruikemeier S., Fathaigh R. Ó., Irion K., Dobber T., de Vreese C. (2018). Online Political Microtargeting: Promises and Threats for Democracy. *Utrecht Law Review*, 14: 82.

Crozier M., S. P. Huntington, J. Watanuki (1975). *The Crisis of Democracy*. New York: New York University Press.

De Wijze S. (2018). The Problem of Democratic Dirty Hands: Citizen Complicity, Responsibility, and Guilt. *The Monist*, 101(2).

Doberstein C. (2016). Designing Collaborative Governance Decision Making in Search of a ‘Collaborative Advantage’, *Public Management Review*, 18:6, 819-841.

Ewert Ch., C.Kaufmann, M. Maggetti. Linking democratic anchorage and regulatory authority: The case of internet regulators. *Regulation & Governance* (2020).No. 14, 184–202.

Flaxman S., S. Goel, J. M. Rao (2013). Ideological segregation and the effects of social media on news consumption. SSRN Scholarly Paper ID 2363701, Social Science Research Network, Rochester, NY.

Florida A. (2013). Participatory democracy versus deliberative democracy: elements for a possible theoretical genealogy. Two histories, some intersections. In: 7th ECPR General Conference, Bordeaux.53 pp.

Foa, R. S., Mounk, Y. (2017). The signs of deconsolidation. *Journal of Democracy*, 28, 5-16.

Foster Ch., J. Frieden (2017). Crisis of Trust: Socio-Economic Determinants of Europeans’ Confidence in Government. *European Union Politics* 18(4): 511-35.

Gehl, K. M., & Porter, M. E. (2017). *Why competition in the politics industry is failing America: A strategy for reinvigorating our democracy*. Boston: Harvard Business School.

Gálvez J. P. (2017). Democracy in Times of Ochlocracy. *Synthesis philosophica*. Vol. 63 . No 1, 167–178.

Hall, R.P., Ashford R., Ashford N.A., Arango-Quiroga J. (2019). Universal Basic Income and Inclusive Capitalism: Consequences for Sustainability. *Sustainability*, 11, 4481. <https://www.mdpi.com/2071-1050/11/16/4481/htm>

Jay S, Batruch A., Jetten J, McGarty C, Muldoon O.T. (2019). Economic inequality and the rise of far-right populism: A social psychological analysis. *Journal of Community and Applied Social Psychology*, 29(5):418–28.

Jungherr A., Schroeder R., Stier, S. (2019). Digital Media and the Surge of Political Outsiders: Explaining the Success of Political Challengers in the United States, Germany, and China. *Social Media+ Society*, July-September, 1-12 <https://doi.org/10.1177/2056305119875439>.

Kekez A., Howlett M., Ramesh M. (2018). Varieties of collaboration in public service delivery. *Policy Design and Practice*. No. 4.

Lopez-Calva, L. F. et al. (2017). World development report 2017: Governance ´ and the law. Washington, DC, International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank.

Morse A., J.J. Gass (2006). More choices, more voices: A primer on fusion. Brennan Center for Justice. https://www.brennancenter.org/sites/default/files/2019-08/Report_More-Choices-More-Voices.pdf

Nielsen R, L. Hennen, I. Korthagen, G. Aichholzer, and R. Lindner (2020). Options for Improving e-Participation at the EU Level. In: Hennen, L., Keulen, I.V., Korthagen, I., Aichholzer, G., Lindner, R., Nielsen, R. (Eds.). *European E-Democracy in Practice*, Studies in Digital Politics and Governance. SpringerOpen. Chapter 13.

Parlemeter 2018: Taking up the Challenge (2018). Eurobarometer, Survey 90.1 of the European Parliament. <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/files/be-heard/eurobarometer/2018/parlemeter-2018/report/en-parlemeter-2018.pdf>

Parvin P. (2018). Democracy Without Participation: A New Politics for a Disengaged Era. *Res Publica* 24(1): 31–52.

Puddington, Arch, and Tyler Roylance. The Dual Threats of Populists and Autocrats. *Journal of Democracy* 28, no. 2 (2017): 105–119.

Scarrow H. A. (1986). “Duverger’s Law, Fusion, and the Decline of American “Third” Parties.” *The Western Political Quarterly* 39:4, 634-47.

Schwartzberg M. (2015). Epistemic Democracy and Its Challenges. *Annual Review of Political Science* 18: 187–203.

Solijonov A. (2016). Voter Turn-out Trends Around the World. Stockholm. International Institute for Democracy and Electoral Assistance.

Sørensen E., Torfing J. (2019). Designing institutional platforms and arenas for interactive political leadership. *Public Management Review*, 21(10), 1443-1463.

Tillyris, D. (2019). Political realism and dirty hands: value pluralism, moral conflict and public ethics. *Philosophia*. pp. 1-24.

Qvortrup M. (2017). The rise of referendums: demystifying direct democracy. *Journal of Democracy* 28(3), 141–152.

Qvortrup M. (2018). Western Europe. Chapter 2 in: Qvortrup M. (ed.) *Referendums around the world*. Palgrave Macmillan. 307 pp.

Uslaner E. (2011). Corruption, the inequality trap and trust in government. In S. Zmerli & M. Hooghe (Eds.), *Political trust. Why context matters* (pp. 141–162). Colchester, UK: ECPR Press

Van der Meer, T.W.G. (2017). Political trust and “the crisis of democracy”, in R.J. Dalton (ed.), *Oxford Research Encyclopedia on Politics*, New York: Oxford University Press. <https://bit.ly/2GyWbjt>.

Van Elsas E. J., A. Brosius, F. Marquart, C. H. De Vreese (2020). How political malpractice affects trust in EU institutions. *West European Politics*, 43:4.

Walzer M. (1973). Political action: The problem of dirty hands. *Philosophy & Public Affairs*, Vol. 2, No. 2, pp. 160-180.

Weeks L.(2015). Parliaments without Parties. *Australasian Parliamentary Review*, 30 (2), 61-71.

Yang V. C., D.I M. Abrams, G. Kernell, A. E. Motte (2020). Why Are U.S. Parties So Polarized? A “Satisficing” Dynamical Model. *SIAM Review*, 62(3), 646–657.